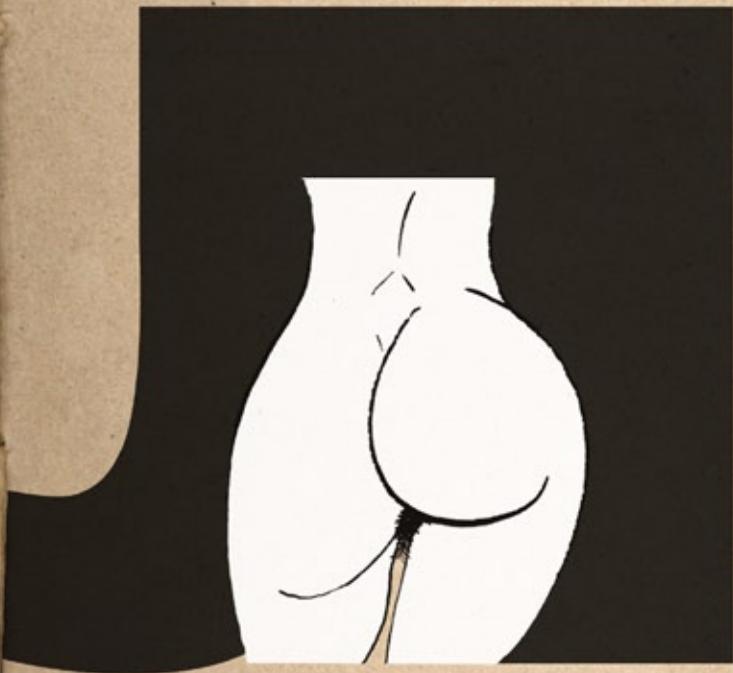

К К К У З М И Н С К И Й

ИТОВСКИЙ
дивертимент

или
три
поэмы
антиисемитизма

Написано в 1972–1975 году Кузьминским.

Нарисовано в 2002 году Данасом.

Издание 1-е. Рукоделка. 2002 г. (5 экз.)

Данное издание 2-е. lulu.com. 2009 г.

экз. №4 рукоделанный подарен Марии Бродской-Соццани на
фестивале в Линкольн-центре – куда она пригласила выступать
К.К.Кузьминского, в 2003 году

К. К. Кузьминский

Литовский дивертизмент

или

три

поэмы

антисемитизма

Б

ляли Л. Г.<...>вской-Г.<...>вой-Ч.<...>ок-М.<...>вской-К.<...>вой- и т.д. (см. далее), вдохновительнице этих (и многих иных) поэм и романа "Хотэлъ цум Торкен"

Л

Камаринская

“Повернись ко мне задочком, ай-люли!” (Охапкин)
“Что-то мой инструмент захудал...” (Шир-али)

Л

ена! Смертная испарина на лбу -
Хуже пьяного татарина в гробу.

Я жену меняю, с коей я живу,
На обширный Лихоимского живот.
А на жёрдочке танцует какаду,
Перья сдуру вырывает на заду.
Ах как шёл тебе на попочеке нейлон!
Но не Найман захватил тебя в полон,
А другой, из иудеев иудей -
Знать, обрезанные ёды для блядей.
Я полгода себе топаю ногой,
Чтобы ты мне не мерещилась нагой.
На меня теперь таращится Москва -
Ах, какая пропадает голова!

ты

мне что-то положила на пробор,

Я с женой уже не пользую прибор:

Засыхает, окаянство, на корню.

Я любовь к тебе, малютка, сохраню.

Пусть Андрюша нарисует твой портрет,

Я в Европу увезу его, поверь,

Чтобы знали все французы Краснодар -

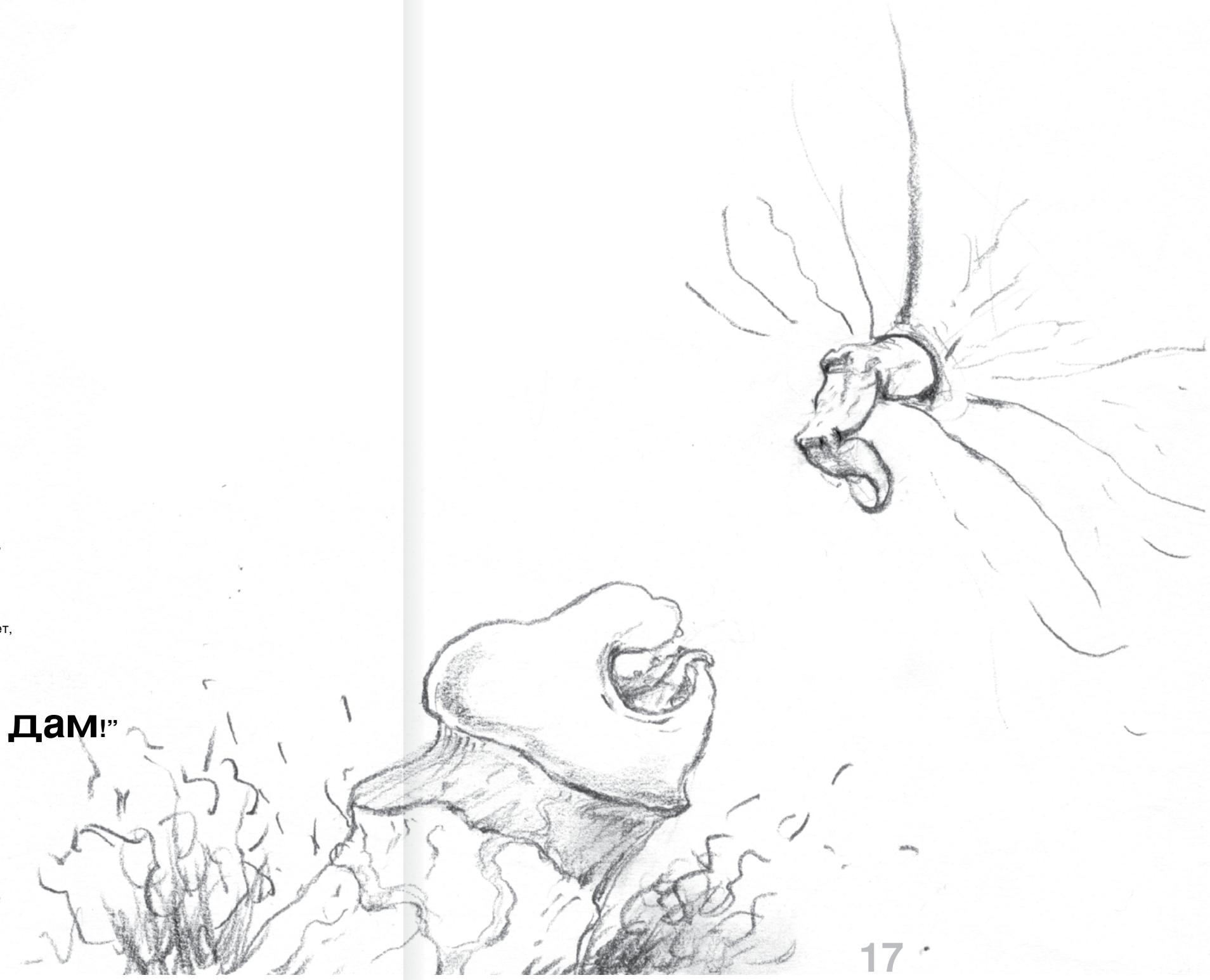
Что за стати у тебя и красота.

Попугая заведу себе, мадам,

Чтоб кричал он твоим голосом: **“Не Дам!”**

И к арабам я подамся бить жидов,

Прославляя твою грудь и твой живот.

Aх, вакханочка сайгонская, пойми,

Постоянство не в почёте средь людьми,
И метелями закончится февраль,
И опять тебе захочется наврать.

Я уеду в город Остин к декабрю,
Свою боль и свою роль переварю,
Буду что-то там, пардон, преподавать,
И язык свой понемногу забывать.

Не сопрёт уже дыхания в зубы,
Когда я тебя, сайгоночка, забуду
... Не в дуду играть и уд перебирать,
Продолжая эти игры в бисера.

Свиноводство не налажено в Чика-
... Этот город отдалённей Нальчика,
Где солёный ошивается судак
(временами заплывающий сюда).

Ах не на..., не надо паюсной икры!
Свою голень его талесом прикрыв,
Выступаешь, как девица Бланш Гандон,
А меня несёт в Шанхай или Кантон.

Ты прости меня, но это не игра:
Я уже наполовину эмигрант,
и устами по-французски я шепчу:

“Я тебя ешё по-прежнему
хочу”

* * *

Aх

не надо, ах не надо номеров.
Свою боль и свою страсть переборов, -
Выступаю на арене, как герой,
Но - пардон, мадам, - имея геморрой.
Там, во Франции, где делают минет,
Я куплю себе танцовщицу Моне,
Или, может быть, Олимпию Дега,
Чтоб висела на стене твоя нога.
А пока - в ночи не спится, хоть молчи -
Нету мочи и, пожалуй, нет мочи.
Ненавижу тех, кто видится с тобой,
И лежу один с прокущенной губой.
Не заснуть и не засунуть, хоть умри,
А за окнами бесуют ноябрь.
А за окнами - тоска, Пётрбург,
Не прижаться. Пережду. Потерплю.

Перемелется. И будет мука.
... Только грудь твоя по-прежнему **МягКа**,
Только розовый **сосок** - у виска...
Оттоманом наступает тоска.
- Оттого-то я мычу и пишу,
Не парашу - но прощенья прошу.
Заметёт мои пороша следы,
Ты же, дева, не уронишь слезы.
... Ненавижу иудеев, наконец,
Допускаю, - за обрезанный конёк.

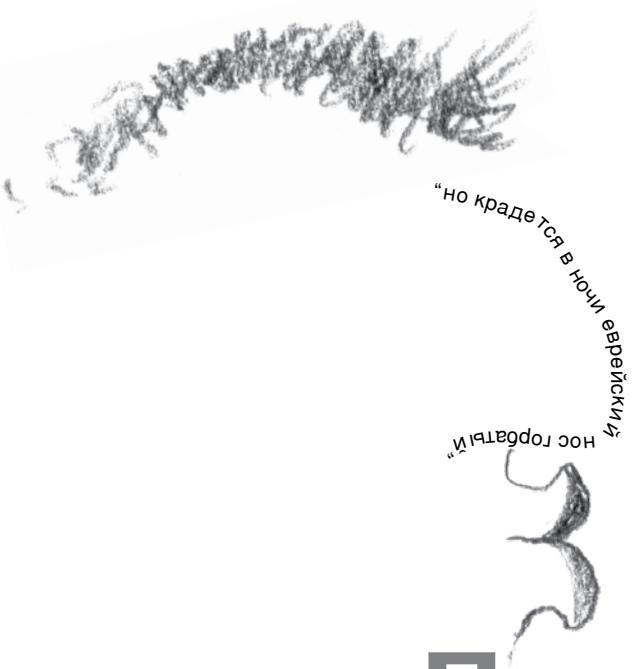
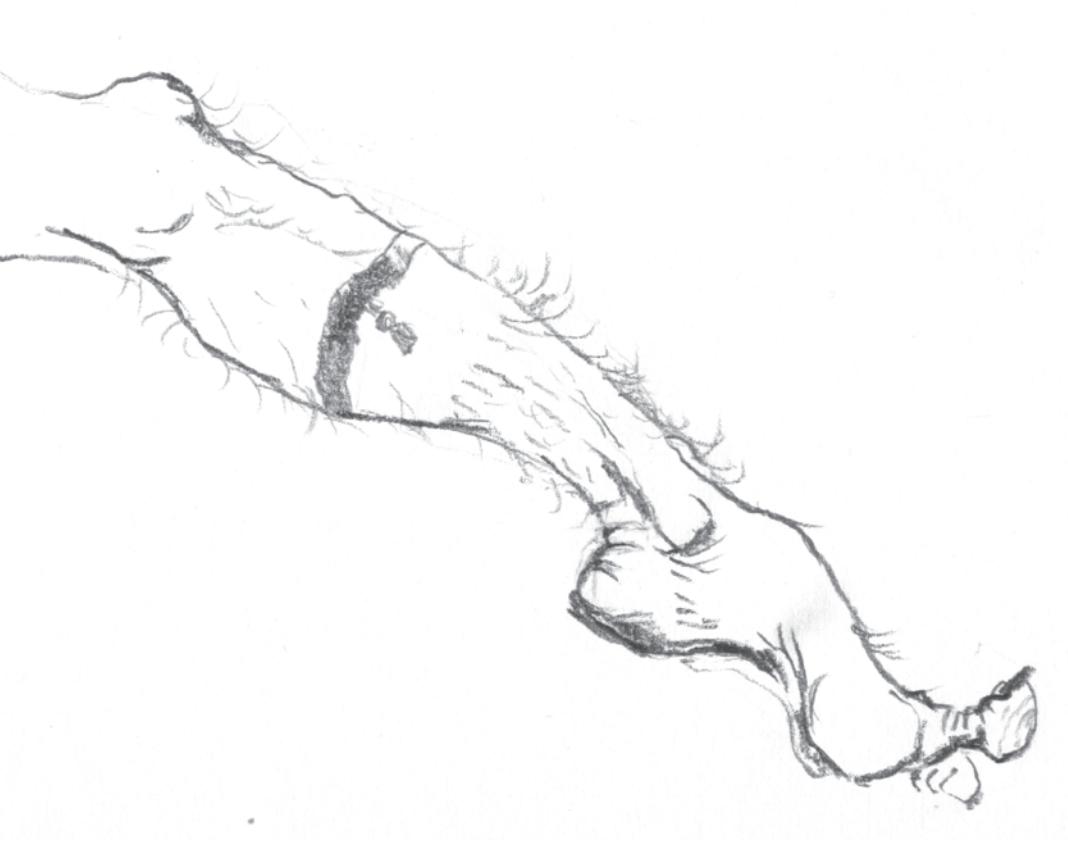
Щ.

(ноябрь 1974)

караИМ

... равым крылом – погром
на Шевардинский редут
Встанет закат багров
и сизоват как уд

коны никнут. попон
потом омытых, нюх
Алый любви помпон
дарит аиду ню

С

тремя а в нём стрела
(кою ковал коваль)
мертвым крылом стрижа
рухнула бляха в ковыль

на перинах куги
горевая птаха выль
чём он тебя купил
караиму подранком выть

подразни, подержи в кулак
свой испуганный лик
не обрежет тебе козак
и споет кулик

K

уликовское поле, брань
иудейска. обрезков от
серебра серебра серебра
и воняет аида потс

церебральный минет кляни
плачут клячи таща возок
и поет поэт онанист:
“на, берри маз к.”

Э

то степь естество полынь
это пение пил /пуль/
над поляной летает лунь
освящая последний путь

караима черно чело
на Ростов кургана нарост
пробирается хилый народец
на закатного солнца зоро

Радзивилл рад евреям брат
повторяет: “просю!“ он
И поёт иудейский бард
про улыбку твою и ион

* * *

Kоих тяжко волы влекли
кормом пестовал каштелян
и они таскали каштан
и сажали в Крыму эвкалипт

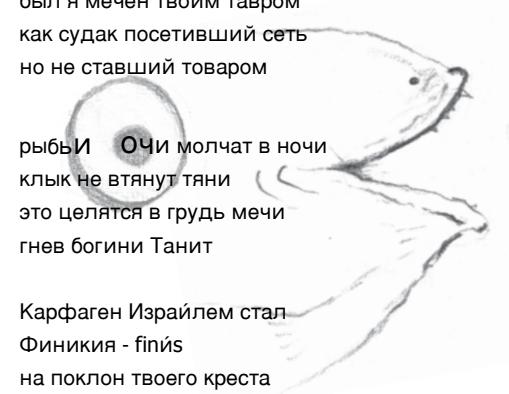
Фармацевты тебе аборт
будто делают на печи
и визжит нагое бедро
над которым моя печаль

Богоматерь твоя скамья
отворила мне вожды любви
словно негром надета **скуфья**:
не араб не аид

Для того от Тавриды мест
был я мечен твоим тавром
как судак посетивший сеть
но не ставший товаром

рыбьИ Очи молчат в ночи
клык не втянут тяни
это целятся в грудь мечи
гнев богини Танит

Карфаген Израилем стал
Финикия - finís
на поклон твоего креста
упадает и днесь фоняк

* * *

на

поклон твоему кресту
мое сердце в тоске лежит
только пользует красоту
необрезанный жид

это стрелы твои Аллахъ
был я проклят как Божий гнев.
и зане суждено алкать
как гиене мне

я шакал брось кусок псы
не напишут тебе поэм
только тем я любимая сыт
что твоих от щедрот поэм

ибо слёзы мои алмаз.
Богоматерь меня сохранит
и меня пощадит Аллахъ
если я согрешил

не питаю я зла осла
у меня увели почто
с иудеем зачнет она
этн крики мои почитав

я несчастен я Иов плать
проклинаю свою Господь
и молю я смиренный раб
сделай так чтоб я был ара

(10 ноября 1974)

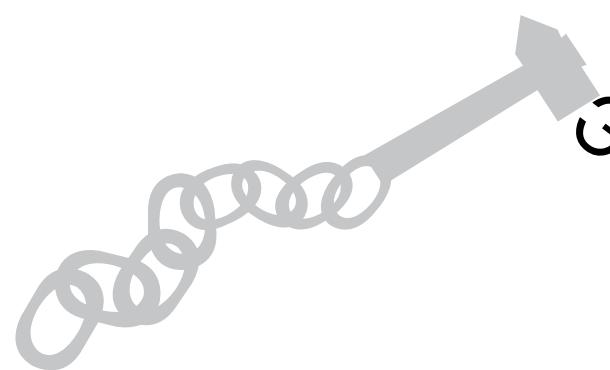
Карамян

Г

оворят, что У Леона Карамяна,
на квартире на проспекте Шателена,
будет чтенье у камина у фонтана,
и неясное в народе шевеленъе.

ти оргии, оргазмы, организмы,
изнурённые наукой инженеры,
оналисты, мидинетки, органисты,
сионисты, педерасты, пионеры.

Эти девы, иудейские розаны
(что там Розанов хлопочет у могилки?)
к Карамяну приезжают из Рязани,
обрезая, оскопили, уморили.

Им читает Куприянов, юный выкrest,
(чтоб цепом его и молотом по яйцам!),
что Охапкин дал штаны ему на вырост
гениталий, о которых не поётся.

Пусть попляшет нам Наташа на паркете,
на прокатном пианине армянина.
Только вы меня, друзья, не упрекайте
недостойными делами славянина!

Я поверхностно сужу о многих, кои
не заслуживают онаго упрёка,
и вообще, мадам, предпочитаю соitUS,
(если только не верёвка, не уловка).

воровка наварила этой кашки,
виновато я смотрю на Карамяна:
если кто-то не подскажет, не укажет -
он не вынет свой бумажник из кармана.

Вкатит столик на колёсах - колоссально!
Коли очи мидинетки стали сочны -
я сухарик свой задумчиво кусаю:
продавать себя нельзя дешевле сотни.

Эти девы на продавленном диване
удивляются словам моим непрочным,
хоть давно им всем до Вени и до фени,
и никак не отражается на почках.

Я читаю не Леону - миллиону
тех читателей, которых не узнаю.
Я читаю палачу и идиоту,
потому что я другого **He** умею!

На хавире у Леона Карамяна -
запах рижского бальзама и елея.
... И душа моя, красива, как рана,
поместилась у колен моей Елены.

(февраль 1975)

СОСО-авторы

Данас
Берзницкий
– Березницкас

Константин
К. Кузьминский
– Махно

